

Визирь (Дорошевич)

От автора

Вчера со мной случилось необыкновенное происшествие. Ко мне явился редактор детского журнала и предложил написать сказку для детей. Я растерялся. Всё равно, как мне предложили бы сыграть в обруч, в лошадки или в казаки-разбойники.

Но так как он обещал мне, по его словам, безумный гонорар...

Не показать же мне себя перед ним «несовременным человеком»? Я сел и написал. А написав, подумал:

— Не лучше ли, вместо детского журнала, напечатать сказку здесь? Родители могут её прочесть и, если хотят, дать прочесть детям. А если не хотят, — не надо. Это их дело.

Я писал сказку, во всяком случае, с самыми лучшими намерениями. Итак.

Во славу аллаха, великого и всемогущего. Я буду рассказывать вам сказку, а вы сидите и слушайте. Жил-был на свете маленький мальчик. Так — лет семи.

В этом нет ничего удивительного. Мальчик был — прелесть. Любил своего папу и своих мам. Его папа был магометанин и имел шесть жён. Как называть жену своего отца? Конечно: — Мамой.

И он звал их всех мамами.

Слушался папы и целых шести мам, — только подумайте! Милого мальчика заметил сам аллах. Так скромная фиалка цветёт в траве, и её не видно. А человек слышит её благоухание и говорит:

— Где-то здесь цветёт фиалка!

Аллах, который любит детей, сказал:

— Я награжу милого мальчика тем, что исполню все его желания. Хороший мальчик не может пожелать ничего плохого.

И велел ангелам бросить на пути мальчика палочку-выручалочку.

Мальчик увидел красивую палочку, поднял её, — и в ту же минуту перед ним появился великий Дух. Такой великий!

Величиной со слона. Вы никогда не видели слона? Ну, с египетскую пирамиду. Вы и египетской пирамиды не видали? Ну, с дом. Дом-то видали?

Увидав его, мальчик испугался и заплакал. А Дух улыбнулся и сказал:

— Это мне надо бояться тебя, милый мальчик. В руках у тебя не простая палочка. Это палочка-выручалочка. Пока она у тебя в руках, что ты захочешь, то так и будет. Прикажи мне сделаться маленьким, и я сделаюсь.

— Сделайся!

И великий Дух вдруг сделался таким маленьким, таким маленьким. Что мальчик расхохотался.

С горошину! Правда, удивительно?

— Чего же ты хочешь? — спросил Дух.

Мальчик задумался. А думать некогда.

Его спрашивают:

— Чего ты хочешь?

А он даже не знает, что сказать. Нельзя же показаться таким глупым. Мальчику вспомнилось.

Когда мамы требовали у папы новых платьев, папа отвечал им:

— Что я вам? Визирь?

Когда папа кричал на мам, мамы на него кричали:

— Ты не кричи! Что ты нам? Визирь?

«Визирь, должно быть, что-нибудь очень большое и важное», — думал мальчик. И теперь, когда его спросили: — Чего ты хочешь? Он отвечал.

Нет ничего удивительного. Нельзя же показать себя глупым!

— Хочу быть визирем!

Дух удивился:

— Визирем?

Но махнул рукой.

И в ту же минуту мальчик очутился во дворце. Где всё дерево резное, пол из цветного мрамора, потолок из перламутра. А в арках висят зелёные и белые попугаи и говорят то же, что все приближённые:

— Здравия желаем, ваша светлость!

— Как будет угодно вашей светлости!

Правда, удивительно? Нет ничего удивительного. При них говорят, и они повторяют. На голове у мальчика была высокая чалма, на плечах семь халатов, все шитые золотом, у пояса такая большая сабля, что он был привязан к сабле, а не сабля к нему, на руке чётки из изумрудов, а в руке палочка-выручалочка. Мальчик посмотрел:

— Тут ли? Тут.

Он видел только спины приближённых. Потому что они все стояли на коленях и уткнувшись лицом в землю. Пресмешно!

Когда мальчику надоело смотреть на их спины, затканые золотом, он сказал им:

— Встаньте!

Они встали, и мальчик увидел бородатые, старые лица.

К нему подошло несколько самых почтенных, поклонились ему двенадцать раз и спросили:

Что он, новый визирь, намерен делать нового в своём ведомстве?

Мальчик растерялся и сказал:

— Я ничего не знаю!

Почтенные люди отошли, успокоенные и довольные, поглаживая бороды:

— Все новые визири начинают с того, что объявляют: «Я ничего в своём ведомстве не знаю». Визирь как визирь!

К мальчику приблизился его главный помощник, поклонился двенадцать раз, положил перед ним большую кипу бумаги и сказал:

— Твоя светлость! Вот дела, требующие разрешения.

Мальчик заплакал:

— Я ещё не умею читать!

Главный помощник поклонился ещё двенадцать раз и сказал:

— Аллах создал день в двенадцать часов. И этим показал, что визири не должны читать бумагу. Если бы визири должны были читать бумаги, — аллах создал бы день в тридцать шесть часов. Просто подпиши. Мальчик заплакал ещё горьче:

— Да я и писать не умею!

Главный помощник поклонился ему по этому случаю ещё двенадцать раз и сказал:

— Визири, которые и умеют писать, от важности не пишут, а ставят просто какую-то корючку. Поставь и ты какую-нибудь корючку.

И все, глядя, как мальчик ставит под бумагами корючку, не читая, утешились и успокоились:

— Визирь как визирь. Нет ничего удивительного.

Когда он поставил корючки подо всеми бумагами, мальчика спросили:

— Не желает ли твоя светлость отдать каких-нибудь приказаний?

Мальчик, — он был хороший мальчик, — вспомнил о своём папе.

— В этой стране, — сказал он, — живёт Хаби-Булла. Он мне отец. Дайте ему по этому случаю столько цехинов, сколько он захочет. У него есть шесть жён. Все мне мамы. Дайте им столько платьев, сколько они потребуют.

И услышав это, все окончательно вздохнули с облегчением:

— Совсем визирь как визирь!

И решили:

— Лучшего выбора нельзя было сделать. Какое доброе сердце!

Если он так заботится о родных, — как же он позаботится о родине?

И всё пошло, как по фисташковому маслу, — как говорят там, на Востоке.

Кто нужно, — составляли бумаги, визирь ставил под ними свою закорючку, и дела шли своим порядком.

Всё было, как при прошлом, при позапрошлом, как при всяком визире.

И никто во всей стране не замечал даже, что визирь — маленький мальчик.

— Ну, как же, — говорите вы, — не заметить? У всех, кто его видел, ведь, были глаза? Как же не заметить, что перед вами мальчик? Это удивительно. Ничего нет удивительного. Просто вы не знаете придворных обычаев. Все, конечно, видели, что это — мальчик, но никому в голову не могла прийти такая дерзкая мысль:

— Визирем — мальчик! Нет усов и бороды.

Все говорили на ухо друг другу:

— Должно быть, он евнух.[1]

Те, у кого были дочери-невесты, вздыхали:

— Как жаль!

Прочие с желчью говорили:

— Хорошо евнухам. Они не думают о жёнах, — думают только о себе. Оттого и создают себе положение! А тут создавай положение для жён!

Он был мал ростом.

А потому все, когда он проходил, становились на колени. Чтоб, — спаси аллах, — не быть ростом выше самого визиря.

Особенно высоких ругали их жёны:

— Где же такому дылде, как ты, выслужиться? Визирь тебе по колено. Конечно, ему обидно! Станет он тебя приближать! И все ходили, согнувши колени, чтобы казаться ниже ростом. Из вежливости.

Случалось, что мальчик, увидев играющих детей, сам начинал с ними играть.

В жмурки, в пятнашки, в мячик, сшитый из тряпок. Такие там, на Востоке, мячики. Тогда все в умилении восклицали:

— Какое сердце! Какое золотое сердце! Это удивительно! Как он любит детей!

— Визирь знает, что дети — это завтрашний день человечества. Нет ничего удивительного.

— Визирь думает не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

И все решили:

— Он предусмотрителен!

Мальчик был любопытен, как мальчик.

Он беспрестанно спрашивал:

— Брат моего отца, что это такое?

Но так как это делал визирь, находили, что это очень умно. Часто визирей хвалят за то, за что детей просто секут.

— Какая любознательность!

— Он всё хочет узнать сам!

— Он входит во всё!

Если это были уж очень детские вопросы, — все прищуривали один глаз и говорили:

— У-у! Хитрая штучка! Он прикидывается ребёнком, чтобы выведать всё!

Когда визири собирались на совет, мальчик, как хороший мальчик, при старших молчал. И все находили:

— Новый визирь — тонкий человек! Он не бросает слов на ветер. Молчит и гнёт свою линию.

А так как он ко всем визирям относился почтено, как к старшим, то его все любили, и никто из визирей не боялся. Всякий визирь отзывался о нём:

— Самый лучший из визирей, каких мы только видели!

И мало-помалу за ним утвердилась слава:

— Премудрый визирь! Это удивительно.

А может быть, и нет ничего удивительного. Как вдруг однажды случилось происшествие. От которого всё пошло вверх дном.

Вам особенно, дети, надо внимательно слушать, чтобы вы не ели много сладкого.

Однажды была назначена большая и длинная, очень длинная церемония.

На которой должны были быть все визири. Хорошо было мальчику, когда у него было шесть или семь мам, — я не помню уж, как начал рассказывать.

Одна запретит одно, другая — другое, третья — третье, четвёртая — четвёртое, пятая — пятое, шестая — шестое, седьмая- седьмое, восьмая — восьмое. Ребёнок привык иметь столько матерей. А как не стало ни одной!

Мальчик наелся с утра рахат-лукума, халвы, пастилы, винных ягод, изюма, фисташек, миндаля, грецких орехов да ещё чернослива.

А церемония была, говорю, длинная.

Уже в начале церемонии мальчик хотел попроситься выйти. Но подумал, что это неловко. Хотел подождать до конца.

В середине церемонии переступил с ноги на ногу и думал: «Всё изюм! Зачем только я ел его с черносливом!» И, не дождавшись конца церемонии, бросил палочку-выручалочку и, поддерживая обеими руками шитые золотом шаровары, куда-то побежал. Куда, — неизвестно.

И в ту же минуту, как он бросил палочку-выручалочку, все вдруг увидели:

— Да, ведь, у нас визирем был мальчик! Удивительно!

Это всегда бывает с людьми, когда они выпустят из рук палочку.

Конец был очень печальный. Отец высек мальчика:

— Зачем пропадал из дому!

Сечь за то, что был хорошим визирем! За то, за что визирей награждают, детей секут. Где ж на земле справедливость?

Все удивлялись:

— Мальчик оказался визирем как визирем!

В этом нет ничего удивительного. Быть визирем, как видите, милые дети, вовсе нетрудно. И когда кругом вас все кричат:

— Как такой-то может быть визирем?!

или:

— Почему так часто меняются визири?!

Вы, умные дети, не обращайтесь никакого внимания. В этом нет ничего удивительного. Те, кто кричат, — бяки.